

23.07.2007

«Делай, что должно, и будет, что надо»

Зоя Ерошок

В Москве прошла конференция «Российские альтернативы» («Ходорковские чтения»)

«В эти дни я увидела, что значит трусость, какой цвет лица у низости, как выглядят обезличенность, лакейство, отсутствие чести».

Это — из письма Борису Пастернаку. Письму лет шестьдесят, кажется.

Не хочу сравнивать те времена и эти. Наши, как говорила Анна Ахматова, — вегетарианские. Однако трусости, низости, лакейства, обезличенности, отсутствия чести по-прежнему — выше крыши. Русская традиция: чуть что с человеком не так — шархаться от него, отрекаться, танцевать на крышке гроба. Оправдание: кому хочется попасть в гонимые? Может, и никому, но вот свидетельство самого Пастернака: «Я так вздохнул, так выпрямился и так себя опять узнал, когда попал в гонимые».

Так вот: о гонимых. Точнее, об одном из них — Михаиле Борисовиче Ходорковском. Он, похоже, выпрямился тоже и себя (и жизнь) опять узнал, когда попал в гонимые.

Зощенко писал: «Писатель с перепуганной душой — это потеря квалификации». Но разве экономист с перепуганной душой — не потеря квалификации? А политолог? Социолог? Историк? Юрист? Бизнесмен?

На эту конференцию собрались неперепуганные.

Почему — «Ходорковские чтения»? Инициаторы уверены: идеи Ходорковского — реакция на реальные вызовы, стоящие перед Россией. (По другому поводу сказано, но сюда подходит: «...не столько выработка реальных, предназначенных к действительному исполнению, правил и программ, сколько сама их установка и потом наблюдение за тем, как вступает с ними в борьбу душа».)

Арсений Рогинский — открывая чтения: «Не о Михаиле Борисовиче Ходорковском и его личной судьбе пойдет речь. А об его идеях».

А мудрый Евгений Ясин — как-то просто и по-житейски: «Наша встреча — дань совести. Которая живет в каждом из нас».

Что мне сразу на этой конференции понравилось: всё публично, открыто, не таясь. Ничего тайного, подпольного, никаких два пишем — три в уме. Никто не изображал из себя смельчаков. А из Ходорковского не делал жертву.

Аузан говорит о Ходорковском как о «национальной проблеме». Тут все сошлось. В частности, произвольное применение суда («Моим друзьям — всё, моим врагам — закон»).

Правосудие должно не просто вершиться, нужно, чтобы все видели, что оно вершится. Подобно религии, право возникает в атмосфере торжества и теряет свою силу, если она исчезает.

В отличие от диктатуры закона верховенство права не может быть произвольным, так же как подлинная атмосфера торжества права не бывает мелкотравчатой, лично мстительной и злопамятной.

Ясин спрашивает: чего мы хотим? Чтобы воцарился закон? Но закон всегда был орудием власти. Какая бы власть ни была. Ясин говорит о поражении Путина в той миссии, в которой он был призван на свой пост. Каких бы экономических результатов ни добивался и какой бы политической стабильности ни добился. А миссия была: добиться правового государства.

Именно в правовом государстве право — это не только правила и концепции, это также тип отношений между людьми. Любовь в христианском понимании этого слова входит в правовые отношения, как и в любые другие виды отношений. Право это и есть непосредственная жизнь людей, оно неотделимо от их бытия, желаний, потребностей, страстей и мечты.

Морщакова: «Одно простое правило: право должно служить ограничителем власти». Жестко выступает Морщакова, но интонация — сдержанная, выдержанная.

У Ворожейкиной — о народе: «Нет никакого большинства, есть масса меньшинств, вступающих друг с другом в отношения...». (На отдельном листочке записала, не помню, чьи слова, но в тему: «Почему мы всегда говорим о народе как об одном человеке? Который думает то или это. Нет единодушия среди народа. И слава богу». И голос с места совсем молодого человека: «Люди поддерживают власть, но недовольны ею».)

О народе как об очень разных людях рассказывает депутат ГД РФ коммунист Иванов. Он объездил 70 регионов. И понял: любую аудиторию очень интересуется Ходорковский. («Сначала ор стоит. А потом разговариваешь с людьми час, два, три, пять, семь; что-то им рассказываешь, втолковываешь, а главное — слушаешь, даешь выговориться, и любая аудитория — абсолютно любая! — перестает орать. Просто надо с людьми разговаривать. Долго, серьезно, ответственно». Помолчав, обращается к президиуму: «А вы — вне этой левой аудитории».)

Как ни странно, упрек принят. Собрались тут почти все либералы, но никто не ведет себя так: я — благополучный либерал, а остальные — несчастные туземцы. Кстати, в зале много молодежи, и здесь же известные правозащитники: Людмила Михайловна Алексеева и Сергей Адамович Ковалев.

Сессия «Россия и Запад: партнеры или противники?». Фальк Бомсдорф невозмутимо успокаивает присутствующих: «Запад существует и будет еще существовать». А дальше — суждения о России. Например: «Россия всегда развивалась в пространстве и почти никогда — во времени. Нарастивала внешнюю мощь, но не внутренние потребности». Можно спорить, можно соглашаться... Но интересно другое: как сегодня Россию воспринимают на Западе? Господин Бомсдорф говорит о двух подходах. Первый: Россия — уже демократическая страна. Изъяны есть, но сотрудничество с Россией необходимо, несмотря ни на что, и даже — тем более, что есть изъяны. Так рассуждает «левый фланг» Запада. Он, увы, немногочислен. Второй подход: Россия — имитация демократического государства. Это точка зрения консервативно-либерального большинства на Западе. Оно смотрит на Россию все с большим скептицизмом. Говорят о «сердитой России». Надеются, что ее сменит «умная Россия».

В Европе есть цинизм. Но не все там циники. А у нас антизападные настроения подогреваются и возбуждаются самой властью. (Умница социолог Татьяна Кутковец точно и едко заметила: «Наша власть больше всего боится, что люди в России перестанут бояться Запада».)

Мнение Пионтковского: «Внутри страны мы пытаемся показать, что мы — сильные, что с нами считаются. Но на Западе наступила усталость от России. Ну поговорим, ну не хотите, и бог с вами, не вы сейчас пуп земли». А тем временем у нас включается «мобилизационный патриотизм»...

Шевцова убеждена: самая успешная внешняя политика — это внутренняя политика. А внутреннюю политику трудно иметь без институтов. В новой России институтов гражданского общества крайне мало или нет совсем. Шевцова считает, что это абсурд: заседать в «Восьмерке» и настраивать свое общество против Запада.

Опора на антизападные настроения, утверждает Шевцова, создает антилиберальный фронт. Система исчерпывает свой потенциал. Поэтому у нас нет внешней политики, а есть внутренняя — с внешними проявлениями. Граница стала местом, где начинаются враги. А когда все вокруг враги или недруги, тогда все хорошо, мы — дома.

В античной Греции греки учились понимать. И не просто понимать друг друга как отдельных индивидов, но смотреть на тот же мир с точки зрения другого и подмечать одинаковое, даже если оно обнаруживает себя в очень разном.

Мы – не античные греки. А жаль. Кому, как не нам, учиться и учиться смотреть на мир с точки зрения Другого.

Вы скажете: все это разговоры, а где же действия? Но разговоры могут быть и действием. А вот «бессловесного действия вообще не существует, ибо это было бы действие без деятеля».

Александр Аузан сказал: «Нет запретных тем для интеллектуалов. И на любую тему надо специально разговаривать».

А у Лидии Гинзбург я прочитала: прямой разговор о жизни — единственное, что пока современно. Почему этот род не устарел, как другие? Потому что жизнь продолжается, не устаревая, и тем самым продолжается ее осознание, истолкование. Научное и эстетическое высказывание — неотъемлемая функция мыслящего человека.

В краснокаменском лагере или читинской тюрьме Ходорковский плодотворно трудится. Мыслит сам. И дает мыслить другим. И никто не вправе ему в этом помешать.

Ходорковского лишили только свободы. Но — не книг, общения, связи с людьми. Вот он и держит связь, а не оборону. (Поэту Шевченко с подачи Николая I запретили писать и рисовать. И это было специально оговорено в приговоре. А в приговоре Ходорковскому ничего такого не записано.)

«Ходорковские чтения» будут продолжаться.

Так что: Михаил Борисович! Знайте: не все в возлюбленном отечестве от страха надели подгузники.

Конференцию проводили: Международный «Мемориал», институт национального проекта «Общественный договор», фонд «ИНДЕМ».

Выступали: Арсений Рогинский — международный «Мемориал», председатель правления; Евгений Ясин — президент фонда «Либеральная миссия»; Александр Аузан — президент института национального проекта «Общественный договор»; Татьяна Ворожейкина — преподаватель Московской высшей школы социально-экономических наук; Ольга Крыштановская — руководитель Центра изучения элиты института социологии РАН; Тамара Морщакова — судья Конституционного суда в отставке; Олег Смолин — депутат ГД РФ; Владимир Рыжков — депутат ГД РФ; Евгений Сабуров — научный руководитель Федерального института развития образования; Ирина Хакамада, президент фонда социальной солидарности «Наш выбор»; Игорь Клямкин — вице-президент фонда «Либеральная миссия»; Андрей Пионтковский — президент Центра стратегических исследований; Фальк Бомсдорф — постоянный представитель фонда Фридриха Науманна в России и странах СНГ; Лилия Шевцова — ведущий исследователь Московского фонда Карнеги; Георгий Сатаров — президент фонда «ИНДЕМ» и другие.